

Кот Тихон, или Похищение Голландца

Автор:

[Маша Трауб](#)

Кот Тихон, или Похищение Голландца

Маша Трауб

Приключения кота Тихона

Кот Тихон не просто родился и живёт в музее – он здесь работает. Музейным котом. Охранником и защитником. И не он один. Его родители и родители его родителей, его товарищи и братья – все они музейные коты. Но что там на воле, за пределами стен здания, которое нельзя покидать? Что происходит внутри самого музея, если вся жизнь котов подчинена настоящим армейским правилам? И что случится, если однажды будет нарушено хотя бы одно? А случится самое страшное...

Это не просто история о дружбе, чести и верности долгу, но и настоящее детективное расследование, и семейная драма, и головокружительные приключения.

Это первая книга новой серии о коте Тихоне от известной журналистки и писательницы Маши Трауб.

Для младшего школьного возраста.

Кот Тихон, или Похищение Голландца

Написала Маша Трауб. Нарисовал Валера Козлов

© Трауб М., текст, 2022

© Козлов В., иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Когда началась эта история? Наверное, в тот день, когда на свет появился маленький котёнок.

Он ещё не знал, что его ждёт в жизни. У него даже имени пока не было. Зато была мама, мягкая и очень тёплая. Она так приятно целовала его в живот, и в нос, и в лапу. Всё время целовала, просто продохнуть не давала своими поцелуями. Котёнок, как и положено котяткам, должен был в ответ мяукнуть, но он чихнул и улыбнулся. Так показалось человеку, который склонился над корзинкой, где появились на свет котёнок, две его сестры и один брат. Они копошились здесь же, рядом, в корзине.

– Какой ты смешной, – сказал человек, – будет жалко, если тебя заберут.

Когда котёнок открыл глаза, а это у котят происходит не сразу, то увидел маму, которая его опять целовала. Потом он увидел брата и сестёр, и только затем – свет. И что-то ещё. Много-много всего удивительного. Свет лился сверху, из огромного солнца, которое на ночь выключалось, когда приходил человек.

Только солнце совсем не уходило. Иногда мерцало одинокой звездочкой.

– Надо лампочку поменять, – говорил человек. Котёнок не понимал, что это значит, но человек и его голос котёнку нравились. Каждый вечер человек брал котёнка на руки, очень приятно чесал за ушком и носил по огромному дому. Котёнок смотрел во все глаза, но быстро засыпал – так приятно человек чесал его за ушком. Утром котёнок просыпался уже в корзине, рядом с мамой и начинал ждать прихода человека. Он пытался выбраться из корзины, но у него никак не получалось перекинуть лапку через бортик. Да и мама всё время возвращала его на место, к себе, и снова принималась целовать.

Наступило время, когда к корзине стали приходить другие люди. Не человек. Они брали на руки котят. Один раз котёнок услышал, как кто-то из людей сказал:

– Этот хорошенький, но он так странно смотрит. Всё время вверх. Давай девочку возьмем. Смотри, какая прелесть.

Как-то вечером котёнок заметил, что в корзине он остался один с мамой. И тут появился человек.

– Не переживай, – сказал он, – твои сёстры и брат в хороших руках. Они будут жить в семьях. О них будут заботиться, их будут любить.

Котёнок мяукнул.

– А ты, значит, останешься здесь. Это теперь твой дом. Пойдём, покажу тебе другие комнаты. Ты ещё маленький, но скоро вырастешь. Сейчас тебе страшно, но не бойся. Здесь тебя никто не обидит. Знаешь, я так рад, что ты остался! Всё боялся, что тебя заберут. Но ты, не отрываясь, смотрел на люстру. Вот этот свет называется люстра. Здесь их много. Они большие. По мне, так слишком. А вот эта лампочка всё время перегорает. Одна-единственная. Поэтому мигает. Ты на неё и смотришь. Но подрастёшь и будешь смотреть на картины. Вот. Видишь, они на стенах висят.

Котёнок даже дышать перестал. Он увидел много людей, но других. Они не ходили, а будто замерли. Он увидел яркие пятна удивительной красоты. И от волнения и обилия впечатлений уснул почти сразу.

Утром он опять проснулся в своей корзине рядом с мамой. Над ним стоял человек. Впервые котёнок увидел человека сразу после пробуждения, а не когда наступает время спать.

– Ну, и как мы тебя назовём? – человек взял котёнка на руки и начал чесать ему живот, что было ещё приятнее, чем чесание за ушком, – мне нравится Тихон. Тиша. Как тебе? Тихон Борисович. Почему Борисович? Борисович – это отчество. Твоего папу зовут Барсик, то есть Борис. А твою маму зовут Мона. Её назвали в честь Моны Лизы со знаменитой картины. У твоей мамы удивительная улыбка. Загадочная и прекрасная. Ты вырастешь и всё узнаешь про картины. Потому что ты, Тихон Борисович, продолжишь династию музейных котов. Станешь таким же смелым и ловким, как твой отец, и таким же добрым и мудрым, как твоя мама. Скоро, совсем скоро, я не смогу брать тебя на руки – ты повзрослеешь, но заходи ко мне в кабинет в любое время. Я буду очень рад.

Как и обещал человек, Тихон очень быстро вырослел. И скоро понял, что его дом – музей. За целый день невозможно побывать во всех комнатах, даже если бежать очень быстро. А ведь ещё есть подвал, чердак и много комнат, двери в которые всегда закрыты. Тихону очень нравился его дом – на всех стенах висели большие картины, каждую из которых можно было разглядывать часами. В музейных залах всегда было много людей. Они приходили смотреть на картины. Тихон сначала пугался, когда слышал звук шагов, стоявший в ушах нескончаемым гулом, но потом привык. Только одного никак не мог понять – почему люди смотрят на картины, но не замечают удивительных люстр, которые висят над их головами. Почему не замечают окон, тоже огромных, с широкими подоконниками и тяжёлыми портьерами, за которыми так удобно прятаться.

Тихон сидел там, на подоконнике за портьерой, и удивлялся, как люди не видят то, что видит он, – красивый двор, цветы, деревья, птиц, которые нисколько не хуже тех, что нарисованы на картинах, а даже лучше. А когда солнце бьёт в окно, то происходит настоящее чудо – становится так тепло, точно под боком у мамы.

Иногда кто-нибудь из людей открывал окно и отодвигал тяжёлые портьеры, тогда подвески хрустальной люстры начинали танцевать. По полу прыгали солнечные зайчики, и было очень весело их ловить. Тихону всегда удавалось поймать зайчика. Постепенно он стал понимать, что есть люди маленькие – дети и люди большие – взрослые. И люди маленькие похожи на него, котёнка. Они видели то, что не видели люди большие, – солнечных зайчиков, птиц за окном, сверкающую дорожку, льющуюся из окна. Дети не всегда смотрели на картины, хотя взрослые и пытались привлечь их внимание. Зато они замечали Тихона и кричали:

– Котёнок!

Но большие люди не видели спрятавшегося котёнка.

– Откуда в музее кошки? – удивлялись взрослые.

Тихон слушал разговоры и начинал понимать, о чём говорят люди. Он хотел сказать об этом человеку, который каждый вечер приходил, брал его на руки и уносил в свою комнату, где всегда находилось что-нибудь вкусное. Но когда Тихон мяукал, человек не понимал и принимался чесать ему животик или за ушком. А ему хотелось спросить про людей, больших и маленьких, и особенно про звуки, которые слышатся по ночам. Странные, пугающие...

Тихон часто думал о том, почему его сёстры и брат уехали, а он остался. И почему человек всё время повторял, что «он продолжит династию». Тихон ещё не знал таких сложных слов. И был рад, что остался здесь с мамой.

Папа появлялся редко. Он всегда был на службе. Очень важной и ответственной. Мама однажды сказала, что «папа охраняет картины от мышей», но Тихон ничего не понял. Кто такие мыши – неизвестно. Почему нужно охранять картины от этих мышей – тоже. Мама говорила, что он пока ещё маленький и когда подрастёт, то всё поймет.

Тихон подрос, стал ходить в школу, где преподавала и его мама. Здесь учились все котята, но только самые умные и смелые потом, когда вырастут, станут «защитниками», то есть будут охранять картины и не позволять мышам испортить полотна художников. Конечно, Тихон мечтал стать одним из них, как в своё время стал его отец. А сейчас Борис уже «главный защитник».

Мама вела в школе уроки истории искусств. Рассказывала котяткам о картинах и художниках – как они жили, из чего делались когда-то холсты и краски, почему мыши грызут одни рамы и даже не обращают внимания на другие. Котята очень любили Мону, маму Тихона.

Ему мамины уроки тоже очень нравились, но стать он хотел как папа, все вокруг об этом говорили.

– А можно быть как ты и как папа? Вместе? – спросил однажды Тихон у мамы.

– Не знаю, – улыбнулась мама.

– Я обязательно должен быть или сильным, или добрым?

- Сила предполагает доброту.
- Я должен драться, если не хочу?
- Твой отец считает, что долг – прежде всего.
- А ты?
- Я думаю, что сердце тебе подскажет.

Тихон не понимал, как ему быть. Его отец был строгим, сильным котом, которому когда-то в сражении мыши повредили ухо. От их же зубов под его глазом пролегал глубокий шрам. Все считали Бориса настоящим героем. И ждали того же от Тихона. Чтобы он тоже когда-нибудь стал героем. Мама же, напротив, была ласковой и нежной и считалась самой красивой кошкой в музее. Её доброты хватало на всех – на котят-малышей и котят-подростков.

- Смотрите не на рамы, а на картины, – не уставала повторять она ученикам, – в них главная ценность. Настоящим шедеврам не нужны дорогие рамы.

Тихон же, став подростком, начал усиленно заниматься охранным делом... Он бегал, прыгал, преодолевал препятствия. Учился бесшумно проникать в залы, тенью обходить территорию. Вечером доползал до своей комнаты и падал на подстилку, едва шевеля лапами от усталости. Из-за тренировок ему пришлось пропускать занятия по истории искусств.

От Тихона ждали высших оценок, ведь он – сын «главного защитника».

Командовал молодыми курсантами полковник Гранд – старый кот, хромой на правую переднюю лапу. Полковник Гранд любил рассказывать историю о том, как он получил ранение в бою. Они сражались бок о бок с Борисом, «главным защитником», – противостояли целой армии мышей, но победили. Тогда-то

«главный защитник» получил свои ранения, а полковник Гранд едва не лишился лапы.

– Быстрее, ещё быстрее, плохо, никуда не годится! – кричал на Тихона полковник.

Тихон готов был расплакаться от усталости. Он уже стал подростком. А у подростков голова не успевает соображать, что делать с лапами, которые растут не по дням, а по часам. Тихон пытался перепрыгнуть препятствие, но вдруг наткнулся на стену. Слишком громко топал. Врезался в экспонаты на полном ходу и едва их не сносил. Он не понимал, что с ним происходит.

– Ещё два прохода по препятствию! – кричал Тихону полковник Гранд.

И тот бежал, полз, перепрыгивал из последних сил, уже ничего не чувствуя.

– Слабак! Твой отец – герой! Ещё раз! Двадцать секунд на то, чтобы оббежать зал! – полковник Гранд не унимался.

– Не могу, – Тихон едва дышал.

– Можешь! Нельзя сдаваться! – настаивал полковник.

Тихон мечтал охранять картины от мышей и очень старался быть самым лучшим учеником в классе, чтобы его родителям не было за него стыдно, чтобы могли им гордиться. Но всё чаще задумывался о том, что будет, если он не сможет стать таким же, как его отец. Если у него не получится? Иногда Борис приходил на занятия и наблюдал за тренировками, после чего частенько фыркал и молча уходил. Тогда полковник Гранд добавлял Тихону нагрузку, давал «домашнее

задание», а тот сбегал в своё укрытие, за портьеру в большом зале, и прятался там, разглядывая птиц, лужи, траву, деревья. Им, музейным котам, было запрещено выходить за территорию музея. «За периметр», как выражался полковник Гранд. А Тихону очень хотелось оказаться на улице, понюхать траву, поваляться в ней, поговорить с птицами и встать всеми четырьмя лапами в большую лужу. За портьерой его всегда находила мама. Она садилась рядом на подоконник и молча смотрела в окно.

- Я хочу туда, - признался как-то Тихон.

- Это нормально. Ты вырастешь. Тебе становится тесно в музейных стенах, - ответила мама, - но ты же знаешь правила. Нам нельзя на улицу.

- Кто только придумал эти дурацкие правила? - огрызнулся Тихон.

- У каждого своя судьба и своё предназначение, - вздохнула мама.

- Кто решает, у кого какое предназначение? Разве это не случайность? Меня могли забрать, как забрали моих братьев и сестёр! - возмутился Тихон.

- Но не забрали же. Ты остался, - ласково сказала мама.

- А почему? Я был настолько странным, что никому не понравился? Ты же видишь, что я не могу! Не могу быть как отец! Я не такой сильный, как он. Почему от меня все чего-то ждут? Почему я не могу просто жить? Как другие коты и кошки?

Тихон вдруг чихнул, потому что во рту стало горько. Он хотел пить и задышался. Он чихал и никак не мог остановиться. Мама его обняла и начала целовать за ухом, как в детстве.

- Ты самый лучший котёнок на свете. И я бы не пережила, если бы тебя забрали в человеческую семью. Ну как бы я осталась без тебя? И папа? Он тебя очень любит, просто не умеет об этом говорить. Не умеет выражать эмоции, - мурлыкала мама.

- Что со мной? Почему мне плохо? - спросил Тихон.

– У людей это называется слёзы. Ты плачешь. Это нормально. Ты вырастешь, превращаешься из котёнка-подростка во взрослого кота. И не сердись на полковника Гранда. Он очень хороший, мудрый и добрый кот, – успокаивала мама.

– Что-то не верится, – мяукнул раздражённо Тихон.

– Что я твержу всем котяткам? – улыбнулась мама. – Не смотрите на рамы, смотрите на картину.

Так и у котов, и у людей. Не важно, как ты выглядишь, какие у тебя хвост, лапы, как громко ты шипишь, главное – что у тебя внутри.

– У меня внутри только злость, – признался Тихон.

– Нет. Ты устал, обижен, ты растёшь, не можешь справиться с лапами и настроением. Но у тебя добрая душа и ты способен чувствовать. Тебе это дано от рождения. Ты вырастешь, станешь сильным, твои лапы окрепнут, но постарайся остаться ребёнком в душе. Не растеряй свою искренность, страсть и любопытство.

– Любопытство? – удивился Тихон. – Разве это ценное качество? Только маленькие котятки любопытны.

– И этим они прекрасны. Им хочется познавать мир. Они не устают попадать в неприятности. Ты, кстати, был очень любопытным котёнком. Не все котятки находят себе тайное место за страшной тяжёлой портьерой на подоконнике, куда им запрещено залезать. И не все котятки играют с люстрами. А как ты залез за батарею и не смог выбраться? Хорошо, что было лето и батареи не топили! А

как ты разодрал целую пачку бумаги в кабинете директора? Я уж не вспоминаю о том, как ты пугал уборщицу, прячась в ведре.

- А ты была там? - спросил Тихон.

- Где? - не поняла мама.

- Там. За окном. - Тихон показал лапой во двор.

- Была, - призналась мама.

- Ты была за окном?! - закричал Тихон, - и никогда мне об этом не рассказывала?

- Я выбрала свою судьбу. Моя жизнь здесь, в музее.

- Ты хотя бы могла выбирать! А за меня вы выбрали! - закричал Тихон и снова начал чихать. На самом деле он плакал. Так плачут только маленькие дети или взрослые, когда им обидно. От обиды очень часто хочется плакать.

- Но тебя никто не держит, - спокойно заметила мама.

- Как это? - Тихон всё ещё хлюпал носом и пытался прикрыться лапой.

- Если закрыта дверь, есть окно. Оно открыто. Даже сейчас. Ты же можешь допрыгнуть до форточки? - мама подняла лапу вверх. Форточка действительно была открыта.

- Легко. Полковник Гранд считает, что я не умею бегать, но прыгаю вполне сносно. На «троечку», - хмыкнул Тихон.

- И ты же потом сможешь спрыгнуть с форточки на другую сторону подоконника? - мама разглядывала свои лапы и не смотрела на Тихона.

- Конечно. Легче лёгкого! - воскликнул тот.

– Тогда что тебя останавливает? – улыбнулась мама и грациозно спрыгнула с подоконника.

Тихон застыл в недоумении. Мама никогда с ним так не разговаривала. Ему и в голову не приходило, что выход находится буквально под его носом. Но почему он раньше его не замечал?

Тихон ждал, когда мама выйдет из зала. Она шла неспешно и легко. Тихон подумал, что даже полковник Гранд не умеет ходить так бесшумно. Котёнок уже примеривался, чтобы подпрыгнуть к открытой форточке, как вдруг мама обернулась:

– Кстати, бывают пути и короче, если умеешь их разглядеть, – заметила она с улыбкой.

– Что ты хочешь сказать? – не понял Тихон.

– Просто толкни раму лапой.

Тихон толкнул раму, и та легко открылась.

– Почему ты сразу не сказала?! – воскликнул он.

– Ну, мужчины, а ты уже почти взрослый, никогда не ищут лёгких путей. Им всё время нужно что-то преодолевать, – рассмеялась мама.

Тихон осторожно высунул голову за окно, и его тут же окутало миллионом, миллиардом запахов и звуков. Даже голова закружилась. Он осторожно выставил за окно одну лапу, потом другую и уже оказался на другой стороне подоконника почти целиком, как вдруг подул ветер. Тихон почувствовал такую лёгкость, такой восторг, что опять начал чихать. Уже от счастья. Он сделал несколько шагов и сел. Ему хотелось привыкнуть к новым ощущениям, успокоить дыхание, как учил полковник Гранд. Но ничего не получалось. Восторг

переполнял его. Сердце колотилось так, будто он пробежал сто кругов по полосе препятствий, хотя просто сидел, дышал, нюхал. Наконец, поднял голову и увидел небо – яркое, голубое, с облаками, похожими на творог, которым его иногда угощал человек. Тихон уже знал, что это был директор музея. То самое небо, которое так любили изображать художники на своих картинах. То самое, но другое. Казалось, что до него можно дотронуться лапой или допрыгнуть. Оно так манило, что не было никаких сил этому сопротивляться. Тихон подпрыгнул и протянул передние лапы, чтобы узнать, какое облако на ощупь. И уже в следующий момент понял, что падает. Падать он умел прекрасно, группировался и приземлялся на все лапы. Но тут, от неожиданности, упал неудачно, как какой-то неуклюжий котёнок. Даже носом ударился.

– Здравьете, ты что, с неба свалился? – услышал Тихон голос.

Он поднялся и увидел перед собой кота, чёрного и грязного. Где заканчивался окрас и начиналась грязь, было не очень понятно. По виду кот казался ровесником Тихона.

– С подоконника, – ответил Тихон, – я смотрел на небо.

– Дохлый номер, – сказал кот, – я тоже пытался допрыгнуть, когда маленьким был, не получилось. Ты музейный, что ли?

– Наверное, да, – признался Тихон.

Он украдкой рассматривал нового знакомого. С виду тот очень отличался от котов, которые жили в музее. Но Тихон не чувствовал опасности. А полковник Гранд говорил, что в непонятной ситуации нужно доверять кошачьему инстинкту и интуиции. Так вот интуиция не подавала Тихону никаких сигналов. Как и инстинкт.

– Меня зовут Тихон, – представился он, поскольку мама учила его правилам вежливости.

- Ага. А я – Котовский. Слышь, а правда, что коты в музее в тапочках ходят? – спросил кот.

- Нет. Не правда. В некоторых музеях люди в специальных тапочках ходят, но не в нашем, – ответил Тихон.

- А-а-а-а... А правда, что вы мяукать не умеете?

- Нет. Враньё!

- Докажи.

Тихон громко мяукнул.

- Слышь, а правда, что вам нельзя выходить из музея? – задал ещё один вопрос Котовский.

- Это правда, – признался Тихон.

- Тогда что ты тут делаешь? – удивился Котовский.

- Говорю же – свалился с подоконника. А ты где живёшь?

- Тут, за мусоркой. В подвале. Пойдём покажу. Я тут главный. Ну, мой батя главный, а я вроде как после него главный. Нас тут целая банда. – Котовский побежал за угол.

- Нет, спасибо, может, в другой раз, – Тихон замешкался. Не мог же он признаться новому знакомому, что не знает, что такое мусорка, банда и кто такой батя.

- Сдрейфил, что ли? – хмыкнул Котовский.

- Ничего не сдрейфил, - заявил Тихон.

- Тогда пойдём.

Котовский побежал, и Тихону пришлось бежать следом. Он то и дело оборачивался, чтобы запомнить дорогу.

- Да тут недалеко. Считай соседи. Слышь, а правда, что вас специальной едой кормят? - Кажется, у Котовского в запасе ещё миллион вопросов.

- Не знаю. Обычная еда, - ответил Тихон.

- А правда, что вы читать умеете по-человечески?

- Да, правда. А разве не всех котят этому в школе учат? - удивился Тихон.

- Ой, не могу. В школе! Котят! - расхохотался Котовский. - А правда, что вы ходите в одежде, как для собак. Со всякими финтифлюшками.

- А кто такие собаки? - не понял Тихон.

- Вот это да! Вот это здорово! Вот это надо всем рассказать! Ты не знаешь, кто такие собаки? - Котовский аж застыл на месте.

- Нет. А что?

- Это вообще! Вот умора! Да мне ж никто не поверит, если я расскажу! Ты это - нашим подтверди, что сейчас мне рассказал. Уговор? - Котовский протянул лапу.

- Уговор, - согласился Тихон, хотя не знал, что значит это слово. Но догадался, что нужно подать в ответ лапу.

Они дошли до подвала, и Котовский нырнул в чёрную дыру. Тихон потерял его из вида. «Вот это маскировка», - успел подумать он.

Он осторожно спускался по ступеням, и ему понадобились все навыки по преодолению препятствий, полученные на курсах у полковника Гранда.

- Ты где там застрял? - услышал Тихон голос Котовского.

«Вот где надо проводить тренировки, - подумал Тихон, - это не табуретки с перетянутыми на них верёвками. Не картонные коробки».

Тихон чувствовал, как его лапы начинают болеть. Один раз он едва не вскрикнул, когда что-то острое больно впилось ему в правую лапу. Но сдержался.

- Ребята, смотрите, кто у нас! - закричал Котовский.

Тихон вышел в светящийся круг, который отбрасывала тусклая лампочка. И его тут же обступили коты. Их было много, очень много. Они были чёрные, грязные и смотрели настороженно.

- Он музейный, но нормальный, - продолжал Котовский, - он не ходит в тапочках! И не знает, кто такие собаки! Тихон, скажи, а?

Тихон кивнул.

- Есть хочу. Пойдём, ты сосиску будешь? - предложил Котовский.

- А что это? - тихо спросил Тихон.

- Да ладно! - Котовский так опешил, что аж остановился. - Ребята, им даже сосисок не дают! - объявил он всем. - Давай бери мою. Трескай!

Тихон откусил кусок сосиски и слопал две, не жуя. Это оказалось очень вкусно. Просто невероятно вкусно, хоть и плохо пахло.

– Вас там что, голодом морят? – Котовский смотрел, как Тихон заглатывает сосиску.

Позже Котовский проводил Тихона до окна, хотя тот уверял, что запомнил дорогу. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, то есть с лапы на лапу.

– Ты это, выходи, когда сможешь, – предложил Котовский.

– Спасибо. Обязательно! – Тихон был рад, что Котовский предложил ему дружбу. Сам бы он никогда не решился.

За время, проведённое с Котовским, Тихон понял, что ничего, ничегошеньки не знает. А Котовский знает всё. И про голубей, и про запахи. Дворовый кот умел прыгать, бегать так, как никто на их курсах. Он умел маскироваться. Если бы не запах, его бы ни одна мышь не заметила.

С тех пор Тихон толкал лапой оконную раму, которая часто была открыта, и выходил во двор. Если рама не поддавалась, Тихон выпрыгивал в форточку. Котовский стал его другом и даже наставником. Он рассказывал про собак и голубей. Показал мусорный бак, в котором всегда можно было добыть еду. И, конечно, сосиски, которые казались Тихону самым вкусным на свете лакомством.

От беготни по траве, камням, асфальту и битому стеклу лапы Тихона огрубели и окрепли. Он научился ориентироваться в темноте, пробираясь в подвал. Он перепрыгивал через деревянные балки, хаотично лежавшие на лестнице. Запрыгивал на мусорные баки, с места, не примеряясь. Да что говорить – Котовский научил его охотиться на голубей. А это не детская беготня за заводными мышками. И даже не охота на бумажку, привязанную к нитке, которую дергал полковник Гранд. Кстати, полковник перестал шипеть на

Тихона, а только смотрел на него внимательно, когда тот приходил первым в забеге. Тихон вдруг стал лучшим на курсах. И превышал все нормативы в два раза. Научившись бегать за Котовским, который мчался быстрее ветра, Тихон обгонял всех однокашников на целый хвост, а то и на два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/masha-traub/kot-tihon-ili-pohischenie-gollandca>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)